

Глава 1

Особое поручение

— Значит, вы отправляетесь в Мадрид, госпожа баронесса? — спросил Осетров.

— Согласно полученному мною предписанию, — отозвалась его собеседница.

— И вы покидаете нас... — Осетров сделал вид, что припоминает, — через три дня, если я не заблуждаюсь?

Амалия бросила быстрый взгляд на человека, сидящего напротив нее в посольском экипаже. Не то чтобы баронесса Корф насторожилась, но она отлично знала, что резидент российской разведки во Франции не принадлежал к числу людей, которые станут растрачивать время на ничего не значащие любезности. Его вопросы явно преследовали какую-то цель, но какую именно?

— Вы никогда не заблуждаетесь, милостивый государь, — промолвила Амалия с улыбкой.

Осетров слегка наклонил голову, словно показывая, что принимает комплимент. Романист классической школы потратил бы немало эпитетов, описывая внешность резидента — его изборожденное морщинами лицо, чем-то неуловимо напоминающее

грецкий орех, тщательно зачесанные назад черные волосы с редкими седыми нитями, черные усы и черные же пронизывающие глаза. Романист-романтик непременно отметил бы, что Осетров выглядит старше своих лет, и почти наверняка предположил бы, что виной тому неудачная страсть. Человек с воображением легко мог бы принять резидента за поэта, отказавшегося от стихов ради надежного куска хлеба, а человек, воображения лишенный, увидел бы лишь обыкновенного господина то ли под пятьдесят, то ли за пятьдесят, щегольски одетого и поигрывающего дорогой лакированной тростью. Что же до внешности собеседницы Осетрова, то все романисты на свете сошлись бы в том, что она хороша собой, — хотя, возможно, иные романистки не преминули бы заметить, что встречаются на свете красавицы помоложе и поинтереснее. Амалия была светловолоса, пленительна, и в янтарных глазах ее то и дело вспыхивали золотистые искорки. Сероголубой костюм баронессы поражал элегантностью линий, и любая дама из общества сразу же определила бы, что его шила первоклассная портниха. Из украшений на Амалии была только брошь в виде корзинки с семью цветами, украшенная мелкими драгоценными камнями.

— Я почти уверен, что Мадрид вам понравится, — промолвил Осетров, не сводя с собеседницы испытующего взгляда. — У него много общего с Парижем, хотя с точки зрения архитектуры он смотрится более... провинциально, что ли.

— Вряд ли у меня будет время на осмотр достопримечательностей, — вполголоса ввернула Амалия, и глаза ее при этом сверкнули.

— Разумеется, разумеется, — добродушно кивнул резидент. И без перехода: — Поскольку вы, сударыня, задерживаетесь в Париже, я рассчитываю на ваше содействие в одном пустяковом дельце. Обещаю, оно не потребует от вас ничего особенного.

У Амалии зануло под ложечкой. Она слишком хорошо знала, какие просьбы — точнее, приказы — могут последовать за столь многообещающим вступлением, и слова вроде «пустяковый» и «ничего особенного» не могли ввести ее в заблуждение. Разумеется, она имела право отказаться на том основании, что Осетров не являлся ее начальником, но по негласным правилам Особой службы, к которой принадлежала Амалия, другие секретные службы могли в случае необходимости привлекать особых агентов. Правда, для этого требовалось, во-первых, согласие самого агента, а во-вторых, чтобы он был в данный момент свободен. Если агент сомневался, он мог запросить мнение своего начальства, но на практике такое случалось не слишком часто, потому что сотрудничество помогало налаживать полезные связи, которые в один прекрасный (или не очень) день могли весьма и весьма пригодиться. Амалия знала Осетрова давно, знала и то, что он не станет просить о помощи просто так, и неудовольствие, которое она испытывала, было связано главным образом с тем, что она рассматривала остановку в Париже как передышку пе-

ред мадридским заданием. По сути, баронесса Корф оказалась не готова к подвоху — точнее, к тому, что и здесь не смогут обойтись без ее талантов.

— Надеюсь, дело, о котором идет речь, не заставит меня отложить поездку в Мадрид? — мягко спросила баронесса, покачивая туфелькой. — Генералу Багратионову не понравится, если я прибуду в Испанию позже, чем написано в инструкции.

Генерал, о котором шла речь, уже много лет возглавлял Особую службу и являлся начальником Амалии.

— Сударыня, мое поручение никак не повлияет на сроки вашего путешествия, иначе я не стал бы вас просить, — усмехнулся Осетров. — Беда в том, что все мои парижские агенты сейчас заняты, поэтому я вынужден обратиться к вам.

Амалия метнула на собеседника загадочный взгляд.

— Я слышала, что Сергей Васильевич Ломов вернулся из Лондона, — уронила она со значением.

— Нет, нет, — поспешно ответил Осетров, — Ломов не подходит. Мне нужны именно вы.

— Хорошо, — сказала Амалия, откинувшись на спинку сиденья. — Что именно я должна сделать?

— Я хочу знать, как умрет виконт де Ботранше. И вы выясните это для меня.

Тут, признаться, баронесса Корф на несколько мгновений утратила дар речи, а Осетров меж тем неторопливо продолжал:

— Как видите, сударыня, дело и в самом деле

пустяковое, хотя... Кстати, — перебил он сам себя, — вам известно, кто такой виконт де Ботранше?

— Нет, — сухо ответила Амалия, откашлявшись. — Мне ничего не известно об этом господине.

— В таком случае, я полагаю, будет нелишне сказать о нем пару слов. Пьер-Александр-Ксавье де Ботранше был поздним ребенком. Когда он родился, старший из его братьев был уже женат. Младенец появился на свет с бесчисленными осложнениями и казался очень слабым, так что доктора в один голос уверяли, что он не выживет. — Осетров вздохнул и выдержал крохотную паузу. — Сейчас Пьеру уже 32, и он пережил трех своих старших братьев. Занятно, не правда ли?

— Не уверена, — ледяным тоном отозвалась Амалия.

— Впрочем, докторов тоже можно понять: ребенком Пьер постоянно болел и большую часть своего времени проводил в постели. Он рано научился читать и писать и читал подряд все, что попадалось ему под руку. Друзей у него не было, в игры он не играл и вообще редко покидал стены родного замка, потому что любой, даже самый пустячный сквозняк приводил к серьезной простуде. Словом, нет ничего удивительного в том, что книги заменили Пьеру все на свете. Однажды в руки ему попал курс элементарной химии, который, само собой, был рассчитан вовсе не на маленького ребенка. Однако Пьер прочитал его и загорелся химией. Он потребовал достать ему еще книг по этому предмету и прочел их

все. Он устраивал всевозможные опыты и увлекся настолько, что даже писал по ночам на простынях химические формулы, когда под рукой не оказывалось бумаги. Теперь, госпожа баронесса, как я уже сказал, виконту де Ботранше 32 года, и он вполне официально признан одним из крупнейших химиков Франции.

— А неофициально? — спросила Амалия, которая слушала своего собеседника очень внимательно.

— Неофициально он просто лучший, — ответил Осетров без намека на улыбку, — и если я вам так говорю, значит, так оно и есть. — Резидент немного помедлил перед тем, как произнести следующую фразу: — Как по-вашему, чем грядущие войны будут отличаться от тех, которые тысячелетиями вело человечество?

— Ну, например, тем, что они еще не начались, — съязвила Амалия.

— Нет, я о другом. Грядущие войны, сударыня, будут сражением умов, и чем дальше, тем больше. Собственно сражения людей отойдут на второй план... хотя, разумеется, полностью без них мы обойтись не сможем. Однако исход войн будут решать умы, и химики наверняка окажутся в их числе.

— Такие, как виконт де Ботранше?

— Разумеется. Мы совершенно точно знаем, что среди прочего он работает над проектом для французской армии. Конечно, сам проект строго засекречен, но его значение уже ни для кого секретом не является. Благодаря одному виконту де Ботран-

ше, точнее, его работам, Франция может получить серьезный военный перевес.

— И именно поэтому он должен умереть? — мрачно спросила Амалия, которая обладала способностью схватывать на лету.

— Да, именно так кое-кто и решил, — с убийственной серьезностью ответил Осетров. — Чтобы Франция не получила решающего военного преимущества.

Амалия уже открыла рот, чтобы весьма ядовито заметить своему собеседнику, что она не считает себя подходящей кандидатурой для выполнения таких заданий, тем более что в Париже сейчас находится столь блистательная личность, как Сергей Васильевич Ломов, которому убить кого угодно — все равно что раз плюнуть; но тут Осетров удивил ее вновь.

— Как я уже говорил, у виконта неважное здоровье, и с годами оно не сделалось лучше. Обычно он живет и работает в своем пиренейском замке, но изредка ему все же приходится наведываться по делам в Париж. Кажется, я не упоминал, что виконт — поклонник оперы, и когда он приезжает в столицу, то обязательно посещает какое-нибудь представление. Так получилось, что позавчера виконт столкнулся в антракте с английским военным по фамилии Уортингтон. Зашла речь об одной из певиц, кто-то усомнился в ее таланте, слово за слово, и последовала ссора, а за ней и вызов на дуэль, которым виконт как дворянин и человек чести пренебречь не может. Завтра на рассвете наш бе-

зобидный химик и Уортингтон стреляются в Булонском лесу.

— Позвольте, — медленно проговорила Амалия, — это тот самый Уортингтон, которого еще зовут полковником? Британский агент, который пулей пробивает на лету подброшенную монету?

— Он, — кивнул Осетров. — И как вы понимаете, он совершенно случайно оказался в опере именно тогда, когда там находился виконт де Ботранше, и повздорил с ним тоже совершенно случайно. Кругом сплошные случайности, из которых торчат белые нитки... но следует отдать должное этому господину, для достижения своей цели он избрал самый надежный путь. Дуэль не считается убийством, и если общество и порицает ее, то больше для виду.

— У меня в голове не укладывается, — призналась Амалия после недолгого молчания. — Но ведь англичане и французы — союзники! Зачем же подсылать Уортингтона к этому бедолаге?

— Ах, госпожа баронесса, быть союзником англичан — это все равно что червяку быть союзником рыбака, — хмыкнул Осетров, и его черные глаза насмешливо блеснули. — Не забывайте, что мы говорим и о наших союзниках тоже, коль скоро мы оказались с ними в одной лодке¹. Впрочем, случай с виконтом очень хорошо показывает, насколько можно им доверять.

---

¹ Речь идет о военном союзе между Францией, Британией и Россией (Антанта, или «Сердечное согласие») в противовес альянсу Германской и Австро-Венгерской империй.

Амалия задумалась.

— Скажите, какие у виконта шансы против полковника? — спросила она.

— Ни о каких шансах, сударыня, не может быть и речи, — мгновенно ответил Осетров. — Виконт имел дело с порохом только с точки зрения химии, а сам в руках оружие никогда не держал. Насколько мне известно, его секунданты сняли на сегодня тир и пытаются научить беднягу стрелять, но вы сами понимаете, что это значит. У виконта де Ботранше нет времени, и он обречен.

— Очень жаль, — сказала Амалия, волнуясь. — Если правда то, что вы сказали о его талантах, речь идет о выдающейся личности, и... и такой человек не должен умирать так глупо. — Неожиданно ее осенило. — А может быть, он в последний момент откажется от дуэли?

— Нет, — покачал головой Осетров. — Забудьте об этом. Виконт человек крайне щепетильный, для него честь — не пустой звук. Конечно, он будет стреляться. И если не произойдет чуда, Уортингтон его убьет.

— Допустим, все так и будет, — с неудовольствием промолвила Амалия, которую уже начал утомлять этот разговор. — Но чего, собственно, вы хотите от меня?

— Вы должны приехать в Булонский лес на место дуэли так, чтобы вас не видели, но вы могли видеть все, что там происходит, — ответил Осетров. — После того как дуэль завершится, вы составите для